

Фокин Валерий

8.04.05

Валерий Фокин: «Театры должны умирать»

Руководитель Александринского театра уверен, что среди театров не должно быть неприкасаемых

Григорий Заславский

Когда в 85-м Валерий Фокин возглавил Театр им. Ермоловой, первая же постановка – «Говори...», по общему мнению, обозначила поворот к новому театраль-

атра, сторонник жесткой и разумной реформы, за что выслушивает упреки от коллег.

– Валерий Владимирович, раньше, когда нужно было уничтожить хороший театр,

Сохранять традиции
не значит мириться
с плохими театрами

ному мышлению. Несколько лет назад он одновременно возглавил Центр им. Мейерхольда и Александринский театр в Санкт-Петербурге. Фокин – один из апологетов «хозрасчетного» те-

его бросали на усиление плохого...

– Считайте это советским подходом, но мое мнение такое: сохранять традицию – это не значит мириться с плохими театрами.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 12

КУЛЬТУРА

Валерий Фокин: «Театры должны умирать»

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

Мы научились театры рождать, мы породили множество театров-студий, но не подумали о том, что театры должны и умирать – это естественный процесс. Когда мы имеем такое количество плохих театров (а мы их имеем), естественно, встает вопрос, как с ними быть? Закрывать глаза, мириться – можно, так и делали всю жизнь. Если говорить о реформе всерьез, то мы к ней не только не подошли, а даже всерьез не обсудили. Даже не родили концепцию, стратегию этой реформы, не определили тех действий, какими должно заниматься Министерство культуры с Союзом театральных деятелей России. Те документы, которые вызвали такую справедливую тревогу и эмоции, – это реформистские предложения, которые идут только от Минфина и Минэкономики. И это нонсенс! Должна быть социальная защита, соблюден целый ряд условий. Если есть у нас несколько театров и мы имеем возможность сделать один хороший при наличии художественного лидера – почему нельзя слить их физически? Но если будет художественный лидер, например, такой мощный, как Юрий Любимов, то все сойдется – на Таганке именно так и происходило слияние; расформировали один театр, другой влился. Все это должно происходить при соблюдении ряда правил, при целом ряде гарантий, которых нет. Поэтому и реформы нет.

– По-моему, она как раз уже произошла, только не руками Грефа и Кудрина, а тех художников, которые фактически превратили свои театры в антрепризы. Но живут все еще на дотации по-прежнему. И называются – академическими.

– Эти предложения, безусловно, поменяют условия бюджетного финансирования. Это будет серьезный удар, но я надеюсь, что он будет очень взвешенный, потому что после всех дебатов и даже разговора с президентом, мне кажется, найден общий язык, отменены жуткие положения по поводу попечитель-

театр едет с одной стороны, другой – с другой, посредине России встречаются. Даже этого не будет?

– Это будет, в 2006 году мы хотим осуществить такую поездку и встретиться. Но есть еще целый ряд пунктов, очень важных, в том числе реконструкция Александринского театра, где 172 года не было капитального ремонта и все требует замены.

– Боюсь, заниматься сразу тремя театрами российскому бюджету средств будет не хватать. Знаете, Большой, Мариинский...

– Александринка идет третьим номером, и тут абсолютно другие аппетиты. Потом мы идем поэтапно, мы понимаем, что наша новая команда только полтора года назад всколыхнула в этот поезд. Наша главная задача к юбилею – к 30 августа 2006 года провести реконструкцию зала и сцены.

– Ваше отношение к театру меняется в связи с тем, что вы стали руководителем Александринки?

– Меняется. Я не мог и подумать несколько лет назад, что приму пост руководителя старейшего академического театра России. Я покрутил бы пальцем у виска. Даже мои резко реформистские взгляды корректируются. Хотя я по-прежнему считаю, что поиск театра, движение театра – это незыблемые вещи. И как раз этим я стараюсь заниматься в Центре Мейерхольда. Но, повторюсь, все это должно быть тесно связано с лучшим прошлым, с наследием. Александринка, как я ее чувствую, – это кладовая, огромная великая традиция, которая питает современную культуру. Я в Александринке впервые увидел артистов, которые понимают слово «партитура» применительно к драме. Я абсолютно четко понимаю, что нельзя в театре без этого единения, соединения традиционализма и новаторства в лучшем виде – того, что и пропагандировал Мейерхольд. И я доволен, что в этом смысле мои взгляды меняются. Ни в коем

– Только что вышла ваша премьера «Двойник», которая, мне кажется, могла бы выйти и в Центре Мейерхольда – если рассматривать те задачи, которые вы ставите, по тем актерам, которых вы приглашаете, по проблемам, о которых заявляете. Как вы сами разделяете по театрам то, что хотите ставить?

– Я это очень четко делю, и это очень важная задача – уметь разделять. Во-первых, задачи разные. Александринский театр – это репертуарный театр с глубокой историей, с сегодняшним желанием резко обновиться. Центр имени Мейерхольда – центр театральных культур. В Москве мы работаем по различным творческим программам, и образовательным, и культуртреггерским, и таким, и сяким, и моя режиссерская работа там и здесь, конечно, разнится. Теоретически «Двойник» мог быть поставлен и в центре, хотя в этом случае Виктор Гвоздичский, возможно, и не играл бы эту роль. Тут пространство диктует решение: в несколько приподнятом пространстве Александринки и герой Достоевского Гюльдин становится приподнятым, даже декламационным. А в центре, я думаю, индивидуальность должна быть ближе к описанию и характеристике, которую давал Федор Михайлович.

– Когда Табаков приходил в Художественный театр, мы слышали, что там бычки тушились о батарее, всюду стеклотару... Когда вы пришли в Александринский, ничего такого страшного не заметили? Что для вас является границей перемен, что важно реформировать в первую очередь?

– Ну, такого – с бычками и стеклотарой – в Александринке не было. Что касается границы – и в этом, может быть, отличие Александринского от политического Художественного театра, – для меня очень важно сохранить традиции в живом виде. Придерживаться все-таки классического репертуара – на основной сцене будет идти в основном классика, правда, в режиссерской интерпретации. Мне важно, чтобы репертуар был выдержанным и не носил коммерческого характера. Чтобы не был всеядным, не охватывал всей публики от А до Я, чтобы воспитывал своего зрителя, которого у Александринки сейчас не так много. Скорее всего наш зритель сейчас у Долины, хотя у него 400 мест, а у нас 1000. Новая сцена, которую мы предлагаем построить рядом с основным зданием, будет экспериментальной – с молодой драматургией и только молодыми режиссерами. Я думаю, всем этим делом будет заведовать Андрей Могуний, я уже ему это предложил и получил согласие. Эти эксперименты будут питать и основную классическую сцену – ведь и там и тут будут будут одни и те же артисты.

– Некоторые критики сегодня предлагают за образец взять немецкий театр. Может быть. Хотя мне не кажется немец-

Валерий Фокин – за жесткую внутреннюю реформу в театрах.

Фото Натальи Преображенской (ИГ-фото)

кий театр образцовым. Есть ли какая-то граница эксперимента, по-вашему? Что-то вроде понимания того, что в этом театре это можно, а здесь нужно что-то другое.

– Это понимание, что в этом театре можно, а в другом нет, непременно должно быть. Нельзя взять и вырезать 250 лет и сказать: «Мы все начинаем с нуля». Когда критики приводят в пример немецкий театр, я с ними не солидарен. У того же Остермайера, видного и интересного режиссера, его короткая дорога к зрителю очень опасна. Короткая дорога опасна тем, что она короткая. В театре интереснее выстраивать длинную дорогу. Вернее, когда зритель идет долго, длинно в понимании таинственности спектакля. А когда ты через пять минут понимаешь прием и даже социальный адрес, когда эта короткая дорога так коротко обозначена и не несет за собой объема, то это очень обедняет театр, упрощает и разрушает ту же традицию. Как угодно к традиции можно относиться, но хорошая традиция в том, чтобы исследовать

автора и пытаться идти в глубину. В каком бы регистре, жанре ни делали, но пытались идти в глубину. Когда Эйзенштейн изобрел монтаж аттракционов, он под аттракционом имел в виду единицу напряжения воздействия на зрителя, а не трюк. А напряжение воздействия на зрителя может быть и статичным в артисте. Необходимы лишь границы этической и художественной ответственности. Что можно и нужно в Центре Мейерхольда делать и что невозможно и неправильно на сцене Александринки.

– Напротив Центра Мейерхольда на Новослободской построено новое, точно такое же здание. Видно, что обе конструкции проектировались одними и теми же людьми. Там что-то для Центра Мейерхольда будет, какая-то площадка или цеха?

– Очень рад вашему вопросу. К нашему глубокому сожалению, мы имеем только то, что имеем. Соседний комплекс, спроектированный архитекторами в едином стиле, – это офисный и торговый центр, к которому мы

не имеем никакого отношения.

Когда строительство только началось, мы планировали, что будет у нас и выставочный зал, и еще одна площадка. Недавно разговаривал с Юрием Михайловичем Лужковым, и он со мной согласился, что для развития центра надо сделать пристройку во дворе – мы расширяемся, у нас выше режиссерские курсы, магистратура, нужны хотя бы аудитории.

– Эта магистратура в определенном смысле повторяет благословенные времена Творческих мастерских, которые в какой-то момент перестали существовать. Но месяцы обучения – полтора-два года – конечны, и соответственно магистранты или тот же режиссер Николай Рошин, который работает теперь у вас, окажутся в какой-то момент на улице. Вряд ли все смогут существовать самостоятельно.

– Для меня это мучительная и тревожная ситуация. Я понимаю, что как только мы отпустим Рошину в свободное плавание, этот очень интересный

режиссер, который развивается так оригинально, окажется в тяжелой ситуации. Точно так же и Творческие мастерские, когда разошлись эти группы, фактически пропали через какое-то время. Но все же мы не можем длить и длить стажировку его группы в центре, и сегодня мы хотим взять на следующий год другого молодого режиссера и дать ему возможность год работать, а затем менять снова. Меня интересуют, в частности, ребята, которые окончили мастерские Камы Гинкаса и Сергея Женовача. Мы возьмем кого-нибудь из них и дадим год такой работы группе артистов, которых он захочет пригласить, возьмем его просто на содержание, чтобы он смог поставить спектакль, может, два. Рошин останется работать в центре как мой заместитель по организационно-творческой работе, он делает это успешно. Ему нужно приобретать навыки руководителя, не только режиссера. По поводу Рошина я, конечно, буду сейчас говорить с руководством московского комитета по культуре; есть огромное количество мертвых театров в Москве. Проблема еще и в том, что условия подвала вряд ли подойдут для его работ.

– Когда вы приглашали Гвоздичского в спектакль «Двойник», вы же понимали, что это не тот актер, который спокойно будет воспринимать, если вы сегодня сделали на него спектакль, а завтра скажете, что какое-то время должны заниматься другими артистами. Это актер, который нуждается в очень пристальном к себе внимании, во всяком случае, на протяжении какого-то времени вашего взаимного увлечения. Гвоздичский ради работы в Александринском театре переехал из Москвы в Петербург. Я понимаю, что режиссер не должен чувствовать ответственность, и тем не менее он ее каждый раз берет.

– Конечно. В данном случае эту ответственность я взял на себя совершенно осознанно. Мои творческие отношения с Виктором Васильевичем очень гармонично складываются на протяжении последних нескольких лет после работы над спектаклем «Арто и его двойник». У нас обоюдные театральные желания. Его работа в Петербурге может быть очень интересной и такой, какой он сейчас. Художественный театр, я не хочу сказать – лучше-хуже, – Гвоздичский не вписывается в силу своих проявлений, особенностей.

– А кого-то еще будете приглашать? Вот Авангард Леонтьев, например, сейчас из «Современника» перешел в Художественный театр. Хотя

не менее естественно было бы увидеть его снова с вами, потому как он играл в «Ревизоре», «Нумере в гостинице NN» и в совсем легендарном «И пойдут, и пойдут». Ничего похожего на ваши режиссерские задачи он все равно никогда не имел.

– Скажу так. Ко мне обратились несколько (не хочу говорить кто) известных хороших московских артистов с желанием переехать и поработать в Петербурге. Мне, честно говоря, не хочется этого делать. Гвоздичский – исключение, в силу того что он все-таки вернулся в свой город. Я не хочу этого делать, потому что я не хочу «гастролеров». Иначе я опять попадаю в театр, который формируется по фамилиям, да и просто не хочется московской экспансии. Я надеюсь, что мне что-то удастся сделать в Петербурге именно на их фоне. Я надеюсь на нашу молодежь. Сейчас очень интересный курс заканчивает образование у известного питерского педагога Вениамина Филипповского. Это очень хороший педагог, который некогда подготовил всю группу, которая работала с его учеником Юрием Бутусовым – и Хабенского, и Пореченкова. Я хочу взять большую группу в Александринку с этого курса, человек семь-восемь. Я попробую обойтись местными ресурсами, хотя и не исключаю, что пойду все же на некоторые приглашения, хотя мне этого бы не хотелось, честно.

– У меня сложилось впечатление, что к вам сильно изменил отношение Юрий Соколов. Дело даже не в том, что вы выдвинули их на Госпремию, которую они и получили, или вместе ходили к президенту, но у меня было впечатление, что ему было бы интересно, чтобы вы что-нибудь поставили в Малом театре.

– Сейчас трудно обсуждать это предложение из-за нехватки времени – я должен много работать в Александринке и в Центре Мейерхольда тоже. Я озабочен моей будущей премьерой «Живой труп», которую я делаю к юбилею театра. В принципе между двумя театрами мог бы быть, скажем так, какой-то проект. И не исключено, что это мог бы быть «Петербург» Белого, который у нас ставит Андрей Могуний сейчас во дворе Михайловского замка. Премьера будет 27 мая. Потом, я думаю, мы перенесем его на сцену театра после ее реконструкции. Но ведь есть же еще и «Москва» Белого, есть вещи, которые могли бы соединить эти два города, два театра. Мне бы не хотелось, чтобы это было чисто механически. Сергей Женовач своими последними постановками доказал, что в Малом театре есть потрясающая группа, такие же первоклассные актеры есть в Александринке. Можно соединить два города и два старейших театра и что-то сделать вместе. Мы уже обсуждали все это с Юрием Мефодиевичем, нам нужно время, чтобы это все осмыслить и сделать. ■

Сегодня Министерство культуры находится в состоянии коллапса

ского совета, по поводу других пунктов. Хотя, честно скажу, год назад мы разговаривали с президентом о праздновании 250-летия двух императорских театров. Теперь решения спустились ниже – и многое тонет, теряется по дороге, исчезает. И в этом смысле Министерство культуры сегодня просто находится в положении коллапса. Ни одного из поручений по театральной жизни выполнить грамотно не может.

– Когда вы были у президента вместе с Юрием Соломиным, было заявлено о проекте поездки по России. Один

случае не должно быть «священной коровы» в этом поясе корневых академий – МХАТа или Малого. Внутри реформы обязательны. Внутренние реформы обязательны. «Они не прикасаемые, они получают бюджетные деньги, их не трогаем» – так не может быть. Кстати, мы сейчас ввели внутри театра постоянный состав и переменный. Все молодые должны пройти через переменный состав, там пенсионеры в переменном составе, которые и не претендуют, получают какие-то деньги, но все равно остаются пенсионерами.

11-я Московская Международная Выставка
11th Moscow International Exhibition «Boats and Yachts»

КАТЕРА и ЯХТЫ

13–16 апреля 2005

Москва, Экспоцентр на Красной Пресне

13–16 April 2005

Moscow, Expocentr at Krasnaya Presnya

MIBS

Организатор / Organiser:

ITE Moscow
Tel./Fax: +7 (095) 935 7350
Факс/Fax: +7 (095) 935 7351
www.boat-expo.ru

НЕЗАВИСИМАЯ

ПОДПИСКА НА I ПОЛУГОДИЕ 2005 г.

ИНДЕКСЫ:

"Независимая газета"
"ИГ-Ex libris" (выпуск "ИГ" за четверг)
"ИГ-Религия" (выпуск "ИГ" 1-я и 3-я среда)
"Независимое военное обозрение"
Комплект "ИГ-НВО"

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ:

В Москве:

по каталогу Моспочтамта
для организаций: в ООО "Интер-Почта"
для организаций: в ООО "Сотра"
в редакции "ИГ" с любого месяца

В Санкт-Петербурге:

в ЗАО "Прессинформ"

В INTERNET: www.pressa.apr.ru

В регионах:

по объединенному каталогу "Пресса России", 1 том
по каталогу "Роспечать"

За рубежом: East View Publications, Inc.

На территории Украины: в агентстве KSS

В любой точке мира: в ООО "Корпоративная почта"

50089 – для частных лиц 39564 – для организаций
39535
39551
39528 – для частных лиц 39565 – для организаций
39533

тел. (095) 500-00-60
тел. (095) 160-58-56
тел. (095) 921-88-27

тел. (812) 314-87-17

тел. 1 (612) 550-09-61 E-mail: periodicals@eastview.com
тел. (044) 464-02-20 E-mail: kss@kss.kiev.ua
тел. (095) 953-92-02 E-mail: kpp@sovintel.ru

